

**Управление систематизации законодательства и анализа судебной
практики Верховного Суда Российской Федерации**

**Обобщение постановлений (решений) Европейского
Суда по правам человека¹, краткий обзор которых
поступил в Верховный Суд Российской Федерации по
линии «Сеть Верховных Судов» (SCN), действующей
под эгидой Европейского Суда по правам человека²
и участником которой является Верховный Суд
Российской Федерации,
за период с 1 ноября 2020 года по 30 июня 2021 года³**

(административно-правовые и гражданско-правовые аспекты)

2021 г.

¹ Вынесенных в отношении *третьих государств* и вступивших в законную силу.

² Далее – Европейский Суд, Суд.

³ Перевод на русский язык поступившей информации подготовлен Управлением систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации.

Содержание

Статья 3 Конвенции (запрет пыток)..... 4

Дело «Bivolaru and Moldovan v. France» (nos. 40324/16, 12623/17).

Постановление от 25 марта 2021 года.

Статья 3 Конвенции: передача осужденного в соответствии с Европейским ордером на арест; Босфорская презумпция эквивалентной защиты и системная проблема условий содержания под стражей в государстве, запрашивающем передачу осужденных.

Статья 5 (право на свободу и личную неприкосновенности) 7

Дело «Terheş v. Romania» (no. 49933/20). Решение от 20 мая 2021 года

Пункт 1 статьи 5 Конвенции: применимость к всеобщему карантину, введенному правительством в связи с пандемией COVID-19.

Статья 6 Конвенции (право на справедливое судебное разбирательство) 9

Дело «Guðmundur Andri Ástráðsson v. Iceland» (no. 26374/18).

Постановление от 1 декабря 2020 года.

Пункт 1 статьи 6 Конвенции: участие в отправлении правосудия судьи, процедура назначения которого была искажена превышением дискреционных полномочий и несоблюдением «установленных законом» требований.

Статья 8 (право на уважение частной и семейной жизни) 12

Дело «Vavříčka and Others v. the Czech Republic» (no. 47621/13).

Постановление от 8 апреля 2021 года.

Статья 8 Конвенции: привлечение родителя к ответственности в виде штрафа и исключение детей из дошкольного учреждения за отказ выполнить установленную законом обязанность по вакцинации детей. . 12

Дело «Budinova and Chaprazov v. Bulgaria» (no. 12567/13), дело «Behar and Gutman v. Bulgaria» (no. 29335/13). Постановления от 16 февраля 2021 года.

Статья 8 Конвенции: применимость статьи и критерии выявления того, влияет ли негативный стереотип о социальной группе на «частную жизнь» ее членов..... 15

Дело «Centrum för rättvisa v. Sweden» (no. 35252/08). Постановление от 25 мая 2021 года.

Статья 8 Конвенции: массовый перехват трансграничных сообщений – защита от злоупотреблений. 18

Дело «Big Brother Watch and Others v. the United Kingdom» (nos. 58170/13, 62322/14 and 24960/15). Постановление от 25 мая 2021 года.

Статьи 8 и 10 Конвенции: массовый перехват трансграничных сообщений и получение разведанных от иностранных разведывательных служб – гарантии от злоупотреблений. 22

Дело «F.O. v. Croatia» (no. 29555/13). Постановление от 22 апреля 2021 года.

Статья 8 Конвенции: оскорбление учителем ученика общеобразовательной школы. 25

Статья 14 (запрет дискриминации)..... 28

Дело «Jurčić v. Croatia» (no. 54711/15). Постановление от 4 февраля 2021 года.

Статья 14 Конвенции в сочетании со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции: отказ в выплате пособия по безработице женщине, которая прошла курс лечения от бесплодия непосредственно перед тем, как приступить к новой работе.

Статья 1 Протокола № 1 Конвенции (защита собственности) 30

Статья 1 Протокола № 12 Конвенции (общий запрет дискриминации) 30

Дело «Napotnik v. Romania» (no. 33139.13). Решение от 20 октября 2020 года.

Статья 1 Протокола № 12: прекращение дипломатической командировки в связи с беременностью.

Статья 3 Конвенции (запрет пыток)

Дело «*Bivolaru and Moldovan v. France*» (nos. 40324/16, 12623/17).
Постановление от 25 марта 2021 года.

Статья 3 Конвенции: передача осужденного в соответствии с Европейским ордером на арест; Босфорская презумпция эквивалентной защиты и системная проблема условий содержания под стражей в государстве, запрашивающем передачу осужденных.

Румынские власти представили европейские ордера на арест (EAW)⁴ в отношении заявителей, находившихся в то время во Франции, с тем чтобы они отбывали наказание в виде лишения свободы в Румынии. Заявители безуспешно пытались доказать во французских судах, что их выдача нарушила бы статью 3 Конвенции. Впоследствии они были переданы Румынии. Суд установил нарушение статьи 3 Конвенции в отношении одного заявителя (*Moldovan*), указав на следующее – французские власти имели в своем распоряжении достаточные доказательства того, что существует реальная угроза того, что он будет подвергнут бесчеловечному и унижающему человеческое достоинство обращению ввиду ненадлежащих условий отбывания наказания в Румынии, и отсутствие нарушения статьи 3 Конвенции в отношении другого заявителя.

Это постановление заслуживает внимания по двум причинам.

Во-первых, Суд установил: презумпция эквивалентной защиты в правовой системе Европейского Союза применяется к выдаче заявителей во исполнение EAW (развивая тем самым свою судебную практику относительно маневра, доступного для государств), а также впервые установил, что эта презумпция была опровергнута, поскольку защита конвенционных прав была явно недостаточной в конкретных обстоятельствах дела одного из заявителей.

Во-вторых, данное дело представляет интерес, поскольку в его рамках рассматривается вопрос о том, как уполномоченные органы должны подходить к оценке существования индивидуального риска обращения, противоречащего статье 3 Конвенции в случае наличия системной проблемы условий содержания под стражей в государстве, которое выдало ордер EAW, а также соответствующее обязательство заявителя обосновать такой риск.

1. Суд сначала рассмотрел вопрос о том, существует ли презумпция эквивалентной защиты в правовой системе Европейского Союза (дела «*Bosphorus Hava Yolları Turizm ve Ticaret Anonim Şirketi v. Ireland*

⁴ Далее – EAW.

[GC]»⁵ и «*Avotiņš v. Latvia [GC]*»⁶), применимой в этом контексте. Использование данной презумпции зависит от двух условий: отсутствие какой-либо свободы маневра национальных властей и реализация всего потенциала надзорного механизма, предусмотренного законодательством Европейского Союза. В отношении первого условия Суд отметил, что практика Европейского Союза по исполнению ЕАВ (см. дело «*Aranyosi и Căldăraru*»⁷) дает право уполномоченному органу в исключительных обстоятельствах отступать от принципов взаимного доверия и признания, откладывать или даже отказывать в исполнении ЕАВ. Суд также отметил совпадение требований, установленных Европейским Союзом, и его собственной судебной практикой по статье 3 Конвенции в том, что касается установления уполномоченным органом реального индивидуального риска. Таким образом, в то время как французские суды имели право провести оценку (и отказать в исполнении ЕАВ в случае обнаружения ими реального индивидуального риска унижающего человеческое достоинство обращения, противоречащего статье 3 Конвенции), это право должно осуществляться в рамках, строго определенных прецедентной практикой Суда Европейского Союза, чтобы обеспечить исполнение юридического обязательства в полном соответствии с законодательством Европейского Союза. В этих обстоятельствах Суд пришел к выводу: уполномоченный орган не может рассматриваться как орган, обладающий автономным запасом маневра, что может привести к отказу от применения презумпции эквивалентной защиты. Поскольку второе условие также было удовлетворено (не было никаких серьезных трудностей, которые могли бы вызвать необходимость обращения в Суд Европейского Союза с ходатайством о вынесении предварительного решения), в названном деле применима презумпция эквивалентной защиты.

2. Относительно того, была ли эта презумпция опровергнута тем, что защита конвенционных прав была явно недостаточной в конкретных обстоятельствах дела, Суд рассмотрел вопрос о том, располагал ли уполномоченный орган достаточной фактической информацией, чтобы сделать вывод о том, что исполнение ЕАВ повлечет за собой реальный индивидуальный риск унижающего человеческое достоинство обращения с заявителем, противоречащего статье 3 Конвенции, с учетом условий отбывания наказания в Румынии.

⁵ Режим доступа (краткое содержание на русском языке): URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22languageisocode%22:\[%22RUS%22\],%22appno%22:\[%2245036/98%22\],%22documentcollectionid%22:\[%22GRANDCHAMBER%22\],%22itemid%22:\[%22001-185768%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22languageisocode%22:[%22RUS%22],%22appno%22:[%2245036/98%22],%22documentcollectionid%22:[%22GRANDCHAMBER%22],%22itemid%22:[%22001-185768%22]}).

⁶ Режим доступа (на русском языке): URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22languageisocode%22:\[%22RUS%22\],%22appno%22:\[%2217502/07%22\],%22documentcollectionid%22:\[%22GRANDCHAMBER%22\],%22itemid%22:\[%22001-187622%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22languageisocode%22:[%22RUS%22],%22appno%22:[%2217502/07%22],%22documentcollectionid%22:[%22GRANDCHAMBER%22],%22itemid%22:[%22001-187622%22]}).

⁷ Режим доступа (на английском языке): URL: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?docid=175547&doclang=EN>.

а) Суд отметил, что заявитель *Moldovan* представил серьезные и точные доказательства, свидетельствующие о системных общих недостатках условий содержания в Румынии, в том числе в тюрьме Герла, куда румынские власти предполагали поместить его. С учетом доказательств заявителя уполномоченный орган запросил дополнительную информацию у выдавшего ЕАВ органа Румынии относительно предполагаемых условий содержания заявителя, чтобы оценить, существует ли реальный риск того, что он будет подвергнут бесчеловечному и унижающему человеческое достоинство обращению. Получив эту информацию, французский уполномоченный орган определил, что в деле заявителя нет реального риска нарушения статьи 3 Конвенции.

Однако Суд считал следующее – уполномоченный орган располагал достаточной фактической информацией, чтобы признать существование реальной угрозы того, что заявитель будет подвергнут бесчеловечному и унижающему человеческое достоинство обращению из-за условий его содержания в местах лишения свободы Румынии. Во-первых, Суд пришел к выводу: информация, предоставленная румынскими властями, не была в достаточной степени рассмотрена в свете судебной практики Суда в отношении эндемической переполненности камер и недостаточного личного пространства в тюрьме Герла (например, постановление по делу «*Axinte v. Romania*»⁸, вынесенное до передачи заявителя, пилотное постановление по делу «*Rezmiveş and Others v. Romania*»⁹, вынесенное после его передачи). Уполномоченный орган располагал информацией, относящейся к личному пространству, полагавшемуся для заявителя, что давало основания для обвинений в нарушении презумпции статьи 3 Конвенции. Во-вторых, обязательства румынских властей в отношении других аспектов условий содержания в тюрьме Герла (которые могли бы исключить реальный риск нарушения статьи 3 Конвенции) были сформулированы стереотипно, и тем не менее эти обязательства были приняты во внимание при оценке риска. В-третьих, рекомендация уполномоченного органа о содержании заявителя в тюрьме с равнозначными или лучшими условиями содержания (румынские власти не исключали, что заявитель будет содержаться не в тюрьме Герла) были недостаточны для исключения реального риска бесчеловечного и унижающего человеческое достоинство обращения: это не позволяло оценить риск в отношении конкретной тюрьмы, а доказательства свидетельствовали о системных недостатках в отношении условий содержания в тюрьмах принимающего государства. Таким образом,

⁸ Режим доступа (на французском языке):

URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22languageisocode%22:\[%22FRE%22\],%22appno%22:\[%2224044/12%22\],%22documentcollectionid%22:\[%22CHAMBER%22\],%22itemid%22:\[%22001-142468%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22languageisocode%22:[%22FRE%22],%22appno%22:[%2224044/12%22],%22documentcollectionid%22:[%22CHAMBER%22],%22itemid%22:[%22001-142468%22]}).

⁹ Режим доступа (на английском языке):

URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22languageisocode%22:\[%22ENG%22\],%22appno%22:\[%22261467/12%22,%2239516/13%22,%2248231/13%22,%2268191/13%22\],%22documentcollectionid%22:\[%22CHAMBER%22\],%22itemid%22:\[%22001-173351%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22languageisocode%22:[%22ENG%22],%22appno%22:[%22261467/12%22,%2239516/13%22,%2248231/13%22,%2268191/13%22],%22documentcollectionid%22:[%22CHAMBER%22],%22itemid%22:[%22001-173351%22]}).

Суд установил, что презумпция эквивалентной защиты была опровергнута в деле этого заявителя, поскольку защита конвенционных прав была явно недостаточной в конкретных обстоятельствах дела. Суд пришел к выводу: в отношении данного заявителя имело место нарушение статьи 3 Конвенции.

б) Напротив, Суд установил, что вторым заявителем *Bivolaru* не было представлено подробных и достаточно обоснованных возражений уполномоченному органу об условиях содержания в местах лишения свободы, с которыми он столкнется в случае его передачи в Румынию. В таких обстоятельствах уполномоченный орган не был обязан запрашивать дополнительную информацию у румынских властей, с тем чтобы определить, существует ли реальный индивидуальный риск унижающего человеческое достоинство обращения, противоречащего статье 3 Конвенции, из-за условий содержания в местах лишения свободы. Суд пришел к выводу, что уполномоченный орган не имел веских фактических оснований для определения наличия реальной угрозы нарушения статьи 3 Конвенции в отношении данного заявителя или, следовательно, для отказа в исполнении ордера ЕАВ на этом основании. Таким образом, в отношении второго заявителя нарушения статьи 3 Конвенции не было допущено.

Статья 5 (право на свободу и личную неприкосновенности)

Дело «*Terheş v. Romania*» (no. 49933/20). Решение от 20 мая 2021 года
Пункт 1 статьи 5 Конвенции: применимость к всеобщему карантину, введенному правительством в связи с пандемией COVID-19.

В связи с пандемией COVID-19 на всей территории Румынии было введено чрезвычайное положение по соображениям общественного здравоохранения. Гражданам запрещалось покидать свои дома под угрозой наложения штрафа, за исключением строго определенных случаев и при наличии документа, подтверждающего наличие уважительной причины. Заявитель, который утверждал, что он не был заражен вирусом и не контактировал с заболевшими, подал жалобу в соответствии с подпунктом «е» пункта 1 статьи 5 Конвенции, ссылаясь на то, что карантин продолжительностью в пятьдесят два дня, которому он подвергся, в сложившихся условиях равносителен «лишению свободы». Суд постановил, что пункт 1 статьи 5 Конвенции неприменим, и, таким образом, нет необходимости рассматривать вопрос о том, была ли данная мера обоснована в соответствии с подпунктом «е» приведенного положения. Он установил: степень интенсивности ограничения свободы передвижения заявителя не была такой, при которой всеобщий карантин мог бы рассматриваться в качестве лишения свободы.

Это решение заслуживает внимания, поскольку Суд впервые рассмотрел применимость статьи 5 к национальному карантину, введенному по соображениям безопасности общественного здравоохранения. Решение было принято через пять месяцев после подачи жалобы, в то время, когда пандемия COVID-19 все еще продолжается. Суд признал, что пандемия может иметь очень серьезные последствия не только для здоровья, но и для всего общества, экономики, функционирования государства и жизни в целом, поэтому сложившуюся ситуацию следует охарактеризовать как «исключительный и непредсказуемый контекст».

Это решение представляет интерес так как в нем применяются общие принципы практики Суда (дело «*Austin and Others v. the United Kingdom*» [GC] и дело «*De Tommaso v. Italy*» [GC]) к беспрецедентному контексту текущей эпидемии, к конкретным обстоятельствам дела. В решении излагаются доводы, приводящие к выводу о том, что уровень ограничений, налагаемых на свободу передвижения граждан, не является «лишением свободы» по смыслу Конвенции.

В данном деле Суд отметил, во-первых, что эта мера была общеприменимой ко всем в государстве. Во-вторых, заявитель мог свободно покидать дом по различным причинам, прямо предусмотренным законодательством, и мог посещать разные места в любое время суток, когда того требовала ситуация. В-третьих, он не подвергался индивидуальному надзору со стороны властей и не утверждал, что был вынужден жить в тесном пространстве, а также не был лишен всех социальных контактов. Следовательно, условия карантина не могут быть приравнены к домашнему аресту, равносильному «лишению свободы» для целей практики Суда. Суд также подчеркнул тот факт, что заявитель не утверждал – из-за исчерпывающего перечня оснований для выхода из дома, предусмотренных законодательством, он был заключен в своем доме в течение всего периода чрезвычайного положения. Поэтому жалоба была признана неприемлемой как несовместимая *ratione materiae* с Конвенцией.

Суд добавил следующее: в связи с эпидемией COVID-19 Румыния объявила о своем намерении в соответствии со статьей 15 Конвенции отступить от обязательств, вытекающих из статьи 2 Протокола № 4 к Конвенции, гарантирующих свободу передвижения, право, которое заявитель не отстаивал в Суде. Учитывая, что пункт 1 статьи 5 Конвенции не применим в данном деле, Суд также не счел необходимым рассматривать действительность отступления, о котором Румыния уведомила Совет Европы (см. уведомления государств-членов в соответствии со статьей 15 Конвенции в связи с пандемией COVID-19).

Статья 6 Конвенции (право на справедливое судебное разбирательство)

Дело «*Guðmundur Andri Ástráðsson v. Iceland*» (no. 26374/18).
Постановление от 1 декабря 2020 года.

Пункт 1 статьи 6 Конвенции: участие в отправлении правосудия судьи, процедура назначения которого была искажена превышением дискреционных полномочий и несоблюдением «установленных законом» требований.

Суд апелляционной инстанции отклонил жалобу заявителя на вынесенный в отношении него приговор по уголовному делу. Заявитель жаловался на то, что один из заседавших судей этого суда был назначен в нарушение национальной процедуры. Верховным Судом было признано, что назначение судьи было неправомерным в двух отношениях. Во-первых, Министр юстиции заменил четырех кандидатов (из пятнадцати кандидатов, признанных Комитетом по отбору судей наиболее квалифицированными) другими (включая судью, о которой идет речь, не вошедшую в число пятнадцати лучших), без проведения независимой оценки и без достаточного обоснования своего решения. Во-вторых, Парламент не голосовал отдельно по каждому кандидату, как того требует национальное законодательство, а проголосовал за список, представленный Министром *en bloc* [целиком]. Тем не менее Верховный Суд постановил, что эти нарушения не могут считаться достаточными для аннулирования назначения, а также, что в отношении заявителя было проведено справедливое судебное разбирательство. В марте 2019 года Палата Суда установила – имело место нарушение права на рассмотрение дела судом, «созданным на основании закона». Большая Палата Суда также установила нарушение этого аспекта статьи 6 Конвенции.

Данное постановление Большой Палаты заслуживает особого внимания. Во-первых, в нем даны разъяснения относительно значения и сферы охвата понятия «суд, созданный на основании закона», а также проанализирована его взаимосвязь с другими «институциональными требованиями» (в частности, принципами независимости и беспристрастности). Во-вторых, хотя Большая Палата одобрила подход Палаты к оценке, являлось ли нарушение «вопиющим», она развила его далее в систему трехступенчатой проверки.

Большая Палата проанализировала каким образом следует толковать каждый из трех отдельных аспектов концепции «суда, созданного на основании закона», с тем чтобы наилучшим образом отразить его цель и обеспечить подлинную эффективность предоставляемой им защиты.

Что касается аспекта «суда», то в дополнение к судебной функции и применимым требованиям независимости, беспристрастности и т.д., суду присущ характерный признак, заключающийся в том, что суд должен состоять из судей, отобранных на основе их заслуг посредством неукоснительного соблюдения процедуры, обеспечивающей назначение наиболее квалифицированных кандидатов – как с точки зрения профессиональных компетенций, так и с точки зрения моральных качеств: чем выше уровень суда в судебной иерархии, тем большие требования должны предъявляться в качестве критериев отбора.

В отношении аспекта «созданного (учрежденного)» Большая Палата определила его цель, заключающуюся в защите судебной власти от незаконного внешнего воздействия, в частности, со стороны исполнительной власти. В этом свете процедура назначения на должности судей всегда представляет собой неотъемлемую часть требований к суду, «созданному на основании закона», так что нарушения закона, регулирующего эту процедуру, могут сделать участие соответствующего судьи в рассмотрении дела «неправомерным».

Большая Палата далее разъяснила, что третий аспект – «на основании закона» – означает «в строгом соответствии с законодательством», так что положения о назначениях на должности судей должны быть сформулированы, насколько это возможно, в недвусмысленных выражениях в целях предотвращения произвольного вмешательства, в том числе со стороны исполнительной власти.

В то же время сам факт того, что исполнительная власть оказала решающее воздействие на процедуру назначения не может считаться проблемным как таковой. Наконец, с учетом очень тесной взаимосвязи и общей цели требований независимости/беспристрастности и «суда, созданного на основании закона», при исследовании соблюдения последнего необходимо системно выяснять, было ли предполагаемое нарушение в рассматриваемом случае настолько серьезным, чтобы подорвать основополагающие принципы верховенства права и разделения властей и поставить под угрозу независимость соответствующего суда.

2. На основе изложенного Большая Палата разработала следующие три критерия, которые должны в совокупности применяться для оценки того, имело ли место нарушение права на «суд, созданный на основании закона», с точки зрения цели и существа данного принципа (а именно, для обеспечения способности судебной власти выполнять свои функции без неоправданного вмешательства).

Во-первых, в целом для *установления нарушения* должно иметь место явное несоблюдение национального законодательства, имея в виду, что оно должно быть объективно и реально идентифицируемо. Однако отсутствие такого несоблюдения не исключает возможности нарушения, поскольку процедура, которая, казалось бы, отвечает установленным правилам, тем не

менее может привести к результатам, несовместимым с вышеуказанными целью и существом принципа.

Во-вторых, к нарушению могут привести только несоблюдение *основополагающих правил* проведения процедуры назначения на должности судей (то есть нарушения, затрагивающие *существо* рассматриваемого права). Например, назначение судьей лица, не отвечающего соответствующим квалификационным критериям, или иные нарушения, которые могут подорвать соблюдение требования «суда, созданного на основании закона». Следовательно, недочеты технического характера не достигают соответствующего порога нарушения.

В-третьих, *рассмотрение национальными судами* правовых последствий нарушения национальной нормы о назначении на должности судей должно осуществляться на основе конвенционных стандартов. В частности, в зависимости от конкретных обстоятельств дела необходимо установить справедливый и соразмерный баланс при решении вопроса о том, имела ли реальная необходимость существенного и убедительного характера, оправдывающая отход от конкурирующих принципов правовой определенности и несменяемости судей. С течением времени сохранение правовой определенности будет иметь все большее значение при установлении баланса.

3. Рассматривая дело, Большая Палата установила, что само существо права заявителя на «суд, созданный на основании закона», было нарушено из-за участия в его судебном разбирательстве судьи, процедура назначения на должность которого была искажена явным и грубым нарушением основополагающей национальной нормы, направленной на ограничение влияния исполнительной власти и укрепление независимости судебной власти. Таким образом, первый и второй критерии оценки нарушения были удовлетворены. В частности, Министр юстиции не смогла объяснить, почему она предпочла одного кандидата другому. Учитывая предполагаемые политические связи между ней и мужем данной судьи, ее действия носили характер, вызывающий объективно обоснованные опасения, что она действовала по политическим мотивам. Кроме того, Министр была членом одной из политических партий, составляющих большинство в коалиционном Правительстве, таким образом, одним голосованием партии ее предложение было принято в Парламенте. Что касается процедуры, реализованной Парламентом, то Парламент не только не потребовал от Министра представить объективные обоснования своим предложениям, но и не исполнил специальных правил голосования, что подорвало реализацию его надзорной функции, служащей в качестве средства контроля против осуществления исполнительной властью неправомερных полномочий. Утверждение заявителя о том, что решение Парламента было продиктовано, в первую очередь политическими соображениями партии не может считаться необоснованным. Этого факта было достаточно, чтобы подорвать легитимность и прозрачность всей процедуры назначения.

Что касается третьего критерия, то Верховный Суд, в свою очередь, не смог провести оценку соответствия Конвенции и найти баланс между конкурирующими принципами, хотя оспариваемые нарушения были установлены еще до того, как вышеупомянутые судьи вступили в должность. Он также не дал ответа ни на один из весьма уместных доводов заявителя. Ограниченный подход Верховного Суда при рассмотрении дела заявителя подорвал значение судебной власти в поддержании системы сдержек и противовесов, присущих разделению властей. Однако вывод о нарушении в данном деле не может быть воспринят для того, чтобы возложить на государство-ответчика обязательство возобновить производство по всем аналогичным делам *res judicata* [вступившим в законную силу].

Статья 8 (право на уважение частной и семейной жизни)

Дело «Vavříčka and Others v. the Czech Republic» (no. 47621/13).
Постановление от 8 апреля 2021 года.

Статья 8 Конвенции: привлечение родителя к ответственности в виде штрафа и исключение детей из дошкольного учреждения за отказ выполнить установленную законом обязанность по вакцинации детей.

Один из заявителей был оштрафован за то, что его дети школьного возраста не прошли вакцинацию в соответствии с установленной законом обязанностью вакцинировать детей. Другим заявителям, несовершеннолетним, было отказано в приеме в дошкольные учреждения на тех же основаниях. Заявители жаловались в основном в соответствии со статьями 8, 9 Конвенции и статьей 2 Протокола № 1 к Конвенции. Большая Палата не обнаружила нарушения статьи 8 Конвенции. Было установлено, что, во-первых, требование об обязательной вакцинации остается в пределах широкого усмотрения властей в этой области и осуществляется в рамках подхода, обоснованного достаточными причинами, насущной социальной потребностью в защите индивидуального и общественного здоровья.

Во-вторых, сами оспариваемые меры, оцениваемые в контексте национальной системы, разумны и соразмерны преследуемым законным целям. Большая Палата признала неприемлемой жалобу в соответствии со статьей 9 Конвенции: заявители не смогли доказать, что их критическое мнение о вакцинации было достаточно обоснованным, серьезным, последовательным и значимым, чтобы представлять собой веру или убеждение, защита которого гарантирована данным положением. Вместе с тем Большая Палата не сочла необходимым рассматривать данное дело отдельно в соответствии со статьей 2 Протокола № 1 к Конвенции.

Постановление Большой Палаты примечательно тем, что Суд впервые подробно рассмотрел вопрос об обязательной вакцинации детей и

последствиях несоблюдения такой обязанности с точки зрения права на уважение частной жизни в соответствии со статьей 8 Конвенции. В постановлении разъясняется широта свободы усмотрения, предоставляемой государствам в этом деле, и факторы, которые должны приниматься во внимание при оценке соразмерности оспариваемых мер. При этом Суд признал важность вакцинации детей в качестве «ключевой меры политики в области общественного здравоохранения» и связал ее с ценностью социальной солидарности и наилучшими интересами детей.

1. Обратившись к своей судебной практике и указав, что вопросы политики в области здравоохранения находятся в пределах компетенции национальных властей (дело «*Hristozov and Others v. Bulgaria*»¹⁰, § 119), Суд далее пришел к выводу, что пределы усмотрения в отношении обязательной вакцинации детей должны быть широкими. С одной стороны, обязанность вакцинироваться может рассматриваться как относящаяся к эффективному осуществлению личных прав (дело «*Solomakhin v. Ukraine*»¹¹, § 33) и, таким образом, вызывать более узкую оценку, однако здесь это соображение было менее значимым, поскольку прививки не были и не могли быть сделаны насильственно.

С другой стороны, следующие факторы склоняли в пользу более широкого подхода: i) общий консенсус между Договаривающимися Сторонами, решительно поддержанный международными специализированными органами, заключался в том, что вакцинация является одним из наиболее успешных и экономически эффективных мероприятий в области здравоохранения и что каждое государство должно стремиться к достижению максимально возможного уровня вакцинации; ii) отсутствие консенсуса в отношении единой модели вакцинации детей и наличие спектра стратегий (первая из которых полностью основана на рекомендациях, при этом одна или несколько прививок являются обязательными, а вторая предусматривает юридическое обязательство обеспечить полную вакцинацию детей); и (iii) хотя вакцинация детей как фундаментальный аспект современной политики в области общественного здравоохранения сама по себе не затрагивает чувствительных моральных или этических вопросов, обязательность вакцинации можно рассматривать как затрагивающую такие вопросы, в том числе с точки зрения «социальной солидарности», поскольку целью этого обязательства является защита здоровья всех членов общества, особенно тех, кто особенно уязвим в

¹⁰ Режим доступа (на английском языке): URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22languageisocode%22:\[%22ENG%22\],%22appno%22:\[%2247039/11%22,%22358/12%22\],%22documentcollectionid%22:\[%22CHAMBER%22\],%22itemid%22:\[%22001-114492%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22languageisocode%22:[%22ENG%22],%22appno%22:[%2247039/11%22,%22358/12%22],%22documentcollectionid%22:[%22CHAMBER%22],%22itemid%22:[%22001-114492%22]}).

¹¹ Режим доступа (на английском языке): URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22languageisocode%22:\[%22ENG%22\],%22appno%22:\[%2224429/03%22\],%22documentcollectionid%22:\[%22CHAMBER%22\],%22itemid%22:\[%22001-109565%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22languageisocode%22:[%22ENG%22],%22appno%22:[%2224429/03%22],%22documentcollectionid%22:[%22CHAMBER%22],%22itemid%22:[%22001-109565%22]}).

отношении определенных заболеваний и ради которых остальная часть населения должна принять на себя минимальный риск в форме вакцинации.

2. Суд признал, что выбранный подход к обязательной вакцинации был подкреплен соответствующими экспертными оценками и убедительным обоснованием с точки зрения общественного здравоохранения, особенно в свете предусмотренного статьями 2 и 8 Конвенции позитивного обязательства принимать надлежащие меры для защиты жизни и здоровья. Поскольку речь шла о вакцинации детей, то Суд опирался на свою устоявшуюся судебную практику (дело «*Neulinger and Shuruk v. Switzerland [GC]*»¹²) об обязательстве государств ставить наилучшие интересы ребенка, а также интересы детей как социальной группы, в центр всех решений, затрагивающих их здоровье и развитие:

«...В деле иммунизации цель должна заключаться в том, чтобы каждый ребенок был защищен от серьезных заболеваний... В подавляющем большинстве случаев это достигается за счет того, что дети в раннем возрасте вакцинируются согласно полному графику прививок. Те, кому такое лечение не может быть назначено, косвенно защищены от инфекционных заболеваний до тех пор, пока в их окружении поддерживается необходимый уровень охвата вакцинацией, то есть их защита исходит из массового иммунитета. Таким образом, в тех случаях, когда считается, что политика добровольной вакцинации недостаточна для достижения и поддержания массового иммунитета или массовый иммунитет не имеет отношения к природе заболевания (например, столбняка), национальные власти могут разумно ввести меру по обязательной вакцинации для достижения надлежащего уровня защиты от серьезных заболеваний».

Исходя из этих соображений политика государства-ответчика в области здравоохранения была признана соответствующей наилучшим интересам детей.

3. При оценке соразмерности Суд сосредоточил внимание на двух аспектах. Во-первых, Суд обратил внимание на соответствующие особенности национальной системы и рассмотрел следующие факторы: объем обязательства по вакцинации (заболевания, хорошо известные медицинской науке, против которых вакцинация считалась эффективной и безопасной); возможность исключений из обязательства и оценка индивидуальных обстоятельств; отсутствие принудительного введения вакцины; умеренная жесткость наказания; наличие процессуальных гарантий; законодательная база, позволяющая властям гибко реагировать на эпидемиологическую ситуацию, а также на развитие медицинской науки и фармакологии; прозрачность национальной системы; целостность разработанной политики; принятие необходимых мер предосторожности

¹² Режим доступа (краткое содержание на русском языке): URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22display%22%3A%5B%22%22%2C%22languageisocode%22%3A%5B%22RU%22%2C%22appno%22%3A%5B%2241615%2F07%22%2C%22documentcollectionid%22%3A%5B%22GRANDCHAMBER%22%2C%22itemid%22%3A%5B%22001-117396%22%5D%7D>.

перед вакцинацией (включая регулярную проверку противопоказаний и мониторинг безопасности используемых вакцин); и наличие компенсации в случае причинения вреда здоровью (дело «*Baytıre and Others v. Turkey*»¹³). Во-вторых, Суд изучил интенсивность оспариваемого вмешательства и отметил, что наложенный штраф не был чрезмерным и не имел никаких последствий для образования детей (подростков) первого заявителя. Относительно исключения других заявителей из дошкольного образовательного учреждения, Суд признал, что хотя это означало потерю ими значимой возможности развития своей личности и возможности начать приобретать социальные и учебные навыки в формирующей педагогической среде, они однако не были лишены всех возможностей личностного, социального и интеллектуального развития, даже если это требовало дополнительных усилий и затрат со стороны их родителей, а их право последующего поступления в начальную школу не было затронуто. В этом контексте Суд вновь подчеркнул актуальность и ценность социальной солидарности, установив, что не является непропорциональным право государства требовать вакцинироваться тех, для кого вакцинация представляет отдаленный (очень редкий, но потенциально очень серьезный) риск для здоровья, введение этой общеобязательной защитной меры в качестве юридической обязанности обусловлено потребностями ограниченного числа особенно уязвимых детей, которые не могут воспользоваться вакцинацией по медицинским показаниям. Действие менее императивной политики в некоторых других европейских государствах или условное наличие менее инвазивных средств защиты здоровья населения не умаляет обоснованности или легитимности выбора обязательного подхода к вакцинации.

Дело «*Budinova and Chaprazov v. Bulgaria*» (no. 12567/13), дело «*Behar and Gutman v. Bulgaria*» (no. 29335/13). Постановления от 16 февраля 2021 года.

Статья 8 Конвенции: применимость статьи и критерии выявления того, влияет ли негативный стереотип о социальной группе на «частную жизнь» ее членов.

Заявители – граждане Болгарии цыганского и еврейского этнического происхождения – безуспешно добивались вынесения судебного решения против известного журналиста и политика, которое обязало бы его публично извиниться за ряд публичных антицыганских и антисемитских заявлений и воздерживаться от подобных заявлений в будущем. Они утверждали, ссылаясь на статьи 8 и 14 Конвенции, что каждый из них, будучи членом меньшинства, был лично затронут этими заявлениями. Суд установил

¹³ Режим доступа (на французском языке): URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:\[%22001-118082%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-118082%22]}).

применимость статьи 8 Конвенции и установил нарушение этого положения, рассматриваемого в сочетании со статьей 14 Конвенции.

Эти постановления заслуживают внимания, поскольку они в значительной степени развивают принцип, заложенный Большой Палатой в постановлении по делу «*Aksu v. Turkey* [GC]»¹⁴. В них установлены соответствующие факторы, с помощью которых можно оценить, влияют ли негативные публичные заявления о какой-либо социальной группе на «частную жизнь» отдельного члена этой группы до такой степени, чтобы вызывать применение статьи 8 Конвенции в их отношении.

В деле «*Aksu*» Большая Палата установила принцип, согласно которому негативные стереотипы в отношении группы способны влиять на чувство идентичности группы и чувство собственного достоинства и уверенности в себе ее членов, когда они достигают определенного уровня: в этом смысле они могут рассматриваться как влияющие на частную жизнь членов группы и, таким образом, инициировать применение статьи 8 Конвенции в их отношении.

В данном деле Суд доработал тест по делу «*Aksu*», четко изложив соображения, которые могут иметь отношение к такой оценке. Для этого Суд в первую очередь руководствовался в своем подходе к применимости статьи 8 Конвенции судебной практикой, требующей, чтобы был явно достигнут определенный «порог жестокости», свидетельствующий о том, что «частная жизнь» лица была негативно затронута заявлением или действием (главным образом дело «*Денисов против Украины* [GC]»¹⁵, § 110–114 и дальнейшие ссылки в нем, а также дела «*Beizaras and Levickas v. Lithuania*»¹⁶, § 117 и «*Hudorovič and Others v. Slovenia*»¹⁷, § 115 и 157). Во-вторых, Суд опирался и на другую судебную практику, в частности, на дела «*Perinçek v. Switzerland* [GC]» и «*Lewit v. Austria*», в отношении высказываний по поводу отдельных групп. Далее он подчеркнул, что вопрос о том, был ли достигнут «определенный уровень» (по делу «*Aksu*»), может быть решен только на основе обстоятельств конкретного дела и, например, на основе соответствующих факторов, включая, но не обязательно ограничиваясь ими:

¹⁴ Режим доступа (на русском языке): URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22languageisocode%22:\[%22RUS%22\],%22appno%22:\[%224149/04%22,%2241029/04%22\],%22documentcollectionid%22:\[%22GRANDCHAMBER%22\],%22itemid%22:\[%22001-117173%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22languageisocode%22:[%22RUS%22],%22appno%22:[%224149/04%22,%2241029/04%22],%22documentcollectionid%22:[%22GRANDCHAMBER%22],%22itemid%22:[%22001-117173%22]}).

¹⁵ Режим доступа (на русском языке): URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22languageisocode%22:\[%22RUS%22\],%22appno%22:\[%2276639/11%22\],%22documentcollectionid%22:\[%22GRANDCHAMBER%22\],%22itemid%22:\[%22001-189074%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22languageisocode%22:[%22RUS%22],%22appno%22:[%2276639/11%22],%22documentcollectionid%22:[%22GRANDCHAMBER%22],%22itemid%22:[%22001-189074%22]}).

¹⁶ Режим доступа (на английском языке): URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:\[%22001-200344%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-200344%22]}).

¹⁷ Режим доступа (на английском языке): URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:\[%22001-201646%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-201646%22]}).

«(а) характеристики группы (ее размер, степень однородности, ее особая уязвимость или история ее преследований, ее позиция по отношению к обществу в целом);

(b) точное содержание негативных высказываний в отношении группы (в частности, в какой степени они могли передать негативные стереотипы о группе в целом, а также конкретное содержание стереотипа); и

с) форма и контекст, в которых были сделаны заявления, их охват (который может зависеть от того, где и как они были сделаны), положение и статус их автора, а также степень, в которой они могут рассматриваться как затрагивающие ключевой аспект идентичности и достоинства группы.

Нельзя сказать, что один из этих факторов неизменно имеет приоритет; именно взаимодействие всех этих факторов приводит к окончательному выводу о том, был ли достигнут «определенный уровень», установленный в деле «*Aksu*» (...), и «порог жестокости», установленный в деле «*Денисов*» (...), и о том, применима ли таким образом статья 8 Конвенции. Общий контекст каждого дела – в частности, социальный и политический климат, преобладавший в то время, когда были сделаны заявления, – также может быть важным соображением».

Основываясь на фактах обоих дел и применяя вышеуказанные критерии, Суд счел, что оспариваемые заявления были способны оказать достаточное влияние на чувство идентичности евреев и цыган Болгарии, а также на их чувство собственного достоинства и уверенности в себе, и достигли «определенного уровня» и необходимого «порога жестокости», таким образом, они затронули «частную жизнь» заявителей.

Во-первых, учитывая существующие особенности, евреи и цыгане в Болгарии могут рассматриваться как группы, которые находятся в уязвимом положении.

Во-вторых, в обоих случаях содержание оспариваемых заявлений было ядовитым и сводилось к крайне негативным стереотипам, направленным на очернение этих групп и разжигание ненависти и предрассудков по отношению к ним. В деле «*Behar and Gutman*» заявления повторяли устаревшие антисемитские утверждения (включая отрицание Холокоста). В деле «*Budinova and Chaprazov*» заявления носили систематический характер и, по-видимому, были намеренно сформулированы в подстрекательных выражениях, явно стремясь изобразить цыган Болгарии как исключительно склонных к совершению преступлений и безнравственному поведению.

В-третьих, учитывая контекст и охват оспариваемых заявлений, заявители в обоих случаях предъявляли свои претензии к политику именно в то время, когда его политическая карьера находилась на подъеме и, таким образом, когда его высказывания приобретали все большую известность. В то время как самые злобные из его высказываний о евреях содержались в двух книгах, которые не были широко распространены, его яростная антицыганская позиция, составляющая основу политической повестки его

партии, повторялась по многим каналам коммуникации и, таким образом, достигла широкого распространения. С учетом всех этих факторов, которые указывают на одно и усиливают друг друга, статья 8 Конвенции и, следовательно, статья 14 Конвенции применимы.

По существу дела Суд установил, что, отказав заявителям в возмещении ущерба в связи с дискриминационными заявлениями политика, власти Болгарии не выполнили своего позитивного обязательства адекватно реагировать на дискриминацию по признаку этнического происхождения заявителей и обеспечить уважение к их «частной жизни». В частности, они не смогли адекватно оценить содержание заявлений политика и соблюсти необходимый баланс публичных и частных интересов в соответствии с судебной практикой Суда. Придавая значительный вес свободе выражения мнений политика, они преуменьшили способность его заявлений стигматизировать обе группы и вызвать ненависть и предубеждение против них. В этой связи Суд вновь отметил, что огульные заявления, обвиняющие или выставляющие в негативном свете целые этнические, религиозные или иные группы, не заслуживают никакой защиты (или пользуются очень ограниченной защитой) в соответствии со статьей 10 Конвенции, рассматриваемой в свете статьи 17. Суд считает, что это полностью отвечает требованию о борьбе с расовой дискриминацией, вытекающему из положений статьи 14 Конвенции. Этого не менял тот факт, что автор оспариваемых заявлений был политиком или выступал в качестве члена парламента.

Дело «*Centrum för rättvisa v. Sweden*» (no. 35252/08). Постановление от 25 мая 2021 года.

Статья 8 Конвенции: массовый перехват трансграничных сообщений – защита от злоупотреблений.

Заявитель (неправительственная организация) полагала – существует риск того, что его связь с помощью мобильных телефонов и мобильной широкополосной связи была или будет перехвачена и проверена с помощью системы разведки сигналов. Хотя Палата Суда не обнаружила нарушения статьи 8 Конвенции, однако Большая Палата Суда установила нарушение указанной статьи Конвенции.

Постановление Большой Палаты примечательно тем, что в нем изложены основополагающие гарантии в отношении массового перехвата сообщений и определены критерии глобальной оценки функционирования режимов массового перехвата¹⁸.

¹⁸ Этот вопрос также рассматривается в деле «*Big Brother Watch and Others v. the United Kingdom* [GC]» (постановление вынесено в тот же день, что и настоящее дело). В деле

А.

В предыдущих делах, касающихся режимов массового перехвата (дела «*Weber and Saravia v. Germany (dec.)*»¹⁹ и «*Liberty and Others v. the United Kingdom*»²⁰), Суд применил шесть минимальных гарантий²¹, разработанных для случаев целевого перехвата. Сейчас Большая Палата пришла к выводу, что эти гарантии необходимо адаптировать по двум основным причинам. Первая состоит в том, что следует учесть очень широкий охват систем слежения, достигнутый благодаря технологическому прогрессу за последние десятилетия. Вторая заключается в том, что надлежит отразить специфические особенности режима массового перехвата, которые во многих существенных аспектах отличаются от режима целевого перехвата. Например, там, где конкретные лица «отслеживаются» с помощью массового перехвата, за их устройствами не осуществляется слежения, скорее, к сообщениям, перехваченным разведывательными службами, применяются строгие селекторы (механизмы выборки). В отличие от целевого перехвата, массовый перехват, как правило, направлен на международные коммуникации и в основном используется для сбора информации внешней разведкой, для выявления новых угроз. Его задача, в принципе, состоит в том, чтобы быть превентивной системой, а не расследовать конкретные преступления с помощью слежения. Первые две из шести гарантий целевого перехвата не смогли бы с легкостью быть применены в контексте массового перехвата. Массовый перехват характеризуется увеличением степени вторжения в права человека, предусмотренные статьей 8 Конвенции, по мере прохождения оспариваемой операции через различные процедурные этапы²²,

«*Big Brother Watch and Others v. the United Kingdom [GC]*» также рассмотрен массовый перехват сообщений в соответствии со статьей 10 Конвенции (в контексте защиты журналистских ресурсов) и выработаны гарантии в соответствии со статьей 8 Конвенции в отношении получения разведанных от иностранных разведывательных служб: эти вопросы описаны в обзоре по делу «*Big Brother Watch and Others v. the United Kingdom [GC]*».

¹⁹ Режим доступа (на английском языке):

URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:\[%22001-76586%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-76586%22]}).

²⁰ Режим доступа (описание дела на русском языке):

URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22languageisocode%22:\[%22RUS%22\],%22appno%22:\[%2258243/00%22\],%22documentcollectionid%22:\[%22CHAMBER%22\],%22itemid%22:\[%22001-193105%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22languageisocode%22:[%22RUS%22],%22appno%22:[%2258243/00%22],%22documentcollectionid%22:[%22CHAMBER%22],%22itemid%22:[%22001-193105%22]}).

²¹ Выявлены впервые в делах «*Huvig v. France*» и «*Kruslin v. France*»: (1) характер правонарушений, которые могут привести к вынесению постановления о перехвате; (2) определение категорий лиц, которые могут подвергнуться перехвату их сообщений; (3) ограничение продолжительности перехвата; (4) процедура изучения, использования и хранения полученных данных; (5) меры предосторожности, которые необходимо принять при передаче данных другим сторонам; и (6) обстоятельства, при которых перехваченные данные могут или должны быть удалены или уничтожены.

²² А именно: 1) перехват и первоначальное хранение сообщений/связанных с ними данных связи; 2) применение конкретных селекторов; 3) изучение выборки аналитиками; и

что подразумевает следующее – потребность в гарантиях будет максимальной в конце процесса (когда анализируется информация о конкретном лице или содержание сообщений рассматривается аналитиком).

Б.

В связи с изложенным Суд расширил круг гарантий, которые должны быть четко установлены в национальной правовой системе²³, предложив также определенные разъяснения относительно содержания некоторых из этих гарантий:

1. Основания, ввиду которых может быть разрешен массовый перехват.
2. Обстоятельства, при которых сообщения того или иного лица могут быть перехвачены.
3. Процедура, которой необходимо следовать для предоставления разрешения на перехват.

Разрешение выдается органом, независимым от уполномоченного органа исполнительной власти (не обязательно судебным), который должен быть проинформирован как о цели перехвата, так и о выборе носителей или маршрутов связи. По крайней мере, должны быть определены типы или категории используемых селекторов. Использование любого сильного селектора, связанного с идентификацией лиц, должно быть обосновано с учетом принципов необходимости и соразмерности, и это обоснование должно быть тщательно зафиксировано и подлежать отдельной и объективной проверке.

4. Процедуры, которым необходимо следовать для отбора, изучения и использования перехваченного материала.

5. Меры предосторожности, которые необходимо принять при передаче материала другим сторонам.

Передача должна подлежать независимому контролю, ограничиваться такими материалами, которые были собраны и сохранены в соответствии с Конвенцией, и сопровождаться повышенными гарантиями, когда требуется особая конфиденциальность (например, конфиденциальные журналистские материалы). Обстоятельства, когда такая передача может иметь место, должны быть четко изложены в национальном законодательстве; передающее государство должно удостовериться, что принимающее государство при обработке данных предоставляет гарантии, способные предотвратить злоупотребление и непропорциональное вмешательство (в частности, гарантируя безопасное хранение и ограничивая последующее раскрытие материала). Это не обязательно означает, что принимающее

4) последующее хранение и использование «конечного продукта», включая совместное использование с третьими сторонами.

²³ В деле *«Big Brother Watch and Others v. the United Kingdom [GC]»* Суд указал, что те же гарантии применимы к получению соответствующих коммуникационных данных (то есть данных о трафике, относящихся к перехваченным сообщениям), что не обязательно имеет менее навязчивый характер, чем получение самого контента.

государство должно иметь защиту, сопоставимую с защитой передающего государства, или предоставлять гарантии для каждой передачи.

6. Ограничения на продолжительность перехвата, хранение перехваченных материалов и обстоятельства, при которых такие материалы должны быть удалены и уничтожены.

Должно быть установлено юридическое требование об удалении перехваченных материалов, которые потеряли актуальность для целей разведки, независимо от того, содержат ли они персональные данные или нет, особенно в тех случаях, когда их хранение может повлиять на права, предусмотренные статьей 8 Конвенции.

7. Организация и процедуры надзора со стороны независимого органа за соблюдением указанных гарантий, его полномочия по устранению несоблюдения.

Каждый этап процесса должен подвергаться достаточно строгому надзору со стороны независимого органа, оценивающего (с должной степенью учета) необходимость и соразмерность действий на каждом этапе вмешательства в права, предусмотренных Конвенцией.

8. Процедуры для проведения независимой оценки соблюдения гарантий постфактум и полномочия, которыми наделен компетентный орган в отношении случаев несоблюдения.

Эффективное средство правовой защиты должно быть доступно. В тех случаях, когда такое средство правовой защиты не зависит от уведомления субъекта перехвата, крайне важно, чтобы дело рассматривалось органом (не обязательно судебным), который независим от уполномоченного органа исполнительной власти и обеспечивает справедливость разбирательства, осуществляя, насколько это возможно, состязательный процесс. Его решения должны быть обоснованными и юридически обязательными.

В. В более общем плане Суд определил «краеугольный камень» режима массового перехвата, который обеспечит соответствие статье 8 Конвенции следующим образом:

«процесс должен обеспечиваться «гарантиями от начала и до конца», это означает, что на национальном уровне на каждом этапе процесса должна проводиться оценка необходимости и соразмерности принимаемых мер; что массовый перехват должен подлежать независимой разрешительной процедуре с самого начала, когда определяется объект и масштабы операции; и что операция должна подлежать надзору и независимому пересмотру постфактум».

В частности, отметив значительный потенциал для злоупотреблений и законную необходимость сохранения тайны, Суд подчеркнул, что пределы усмотрения, предоставляемые государствам при функционировании такой системы, должны быть более узкими, в то время как важность надзора и пересмотра должна быть усилена в сравнении с целевым перехватом.

Наконец, Суд изложил ключевые элементы для всеобщей оценки таких режимов: содержит ли национальная правовая система достаточные гарантии

против злоупотреблений; подпадает ли весь процесс под действие «гарантий от начала и до конца»; включает ли фактическое функционирование режимов систему сдержек и противовесов при осуществлении полномочий; и имеются ли какие-либо доказательства фактического злоупотребления.

Дело «*Big Brother Watch and Others v. the United Kingdom*» (nos. 58170/13, 62322/14 and 24960/15). Постановление от 25 мая 2021 года.

Статьи 8 и 10 Конвенции: массовый перехват трансграничных сообщений и получение разведанных от иностранных разведывательных служб – гарантии от злоупотреблений.

Заявители (юридические и физические лица) жаловались на масштабы и размах программ электронного слежения, осуществляемых правительством-ответчиком, от которых они, по их мнению, пострадали. В 2018 году Палата Суда установила, что режимы массового перехвата и получения данных от операторов связи нарушили статьи 8 и 10 Конвенции. В то же время не было обнаружено нарушения статьи 8 Конвенции в отношении получения разведанных от иностранных правительств.

Большая Палата Суда так же установила нарушение статей 8 и 10 Конвенции в отношении режимов массового перехвата и получения данных связи и отсутствие нарушения обоих положений в отношении получения разведанных от иностранных разведывательных служб.

Постановление Большой Палаты примечательно тем, что в нем изложены основные гарантии, которые следует предоставлять при действии режима массового перехвата в соответствии со статьями 8 и 10 Конвенции²⁴, в частности, для обеспечения защиты конфиденциальных журналистских материалов. Постановлением также определены необходимые гарантии для обеспечения соблюдения статьи 8 Конвенции при получении разведанных от иностранных разведывательных служб.

1. Относительно статьи 10 Конвенции и осуществления доступа к конфиденциальным журналистским материалам спецслужбами, проводящими операцию массового перехвата, Суд провел различие между двумя ситуациями: целенаправленного доступа путем преднамеренного использования селекторов (механизмов выборки) или поисковых терминов, связанных с журналистом или новостной организацией, и непреднамеренного доступа (получение так называемого улова проведенной операции).

Что касается целенаправленного доступа, то Суд счел, что превентивная независимая проверка необходима с учетом значительного

²⁴ Этот вопрос также рассматривается в деле «*Centrum för rättvisa v. Sweden [GC]*», постановление по которому вынесено в тот же день, что и по данному делу.

вмешательства в журналистские коммуникации, поскольку такой доступ, скорее всего, приведет к получению значительного объема конфиденциальных материалов и может подорвать защиту источников в еще большей степени, чем приказ о раскрытии источника. Подобное вмешательство соизмеримо с обыском дома или на рабочем месте журналиста. Поэтому Суд предусмотрел следующую гарантию:

«...перед использованием спецслужбами селекторов или поисковых запросов, которые, как известно, связаны с журналистом или которые, весьма вероятно, смогли бы отобрать конфиденциальные журналистские материалы для изучения, селекторы или поисковые запросы должны быть санкционированы судьей или другим независимым и беспристрастным органом, наделенным полномочиями определять, были ли они «оправданы первостепенными общественными интересами» и, в частности, могла ли менее навязчивая мера быть достаточной для удовлетворения первостепенных общественных интересов».

Относительно непреднамеренного доступа было признано, что он существенно отличается от целенаправленного слежения за журналистом. В этой связи в деле «*Weber and Saravia v. Germany (dec.)*»²⁵ Суд признал, что первоначальный перехват без изучения перехваченных материалов не представлял собой серьезного вмешательства по статье 10 Конвенции, поскольку он не был направлен на наблюдение за журналистами. Однако в названном деле Суд пересмотрел эту позицию, отметив, что слежка, которая не была направлена непосредственно на отдельных лиц, действительно могла иметь очень широкий охват благодаря недавно появившимся технологическим разработкам. В частности, изучение сообщений журналиста или связанных с ними коммуникационных данных аналитиком могло бы привести к идентификации источника. В то же время при непреднамеренном доступе степень вмешательства не может быть предсказана с самого начала, что делает невозможной оценку ее пропорциональности на этапе авторизации. Принимая во внимание эту особенность, Суд сформулировал необходимую гарантию, сочтя необходимым, чтобы:

«...национальное законодательство содержало надежные гарантии в отношении хранения, изучения, использования, дальнейшей передачи и уничтожения таких конфиденциальных материалов. Более того, даже если журналистское сообщение или связанные с ним данные о коммуникации не были отобраны для изучения путем целенаправленного использования селектора или поискового запроса, который, как известно, связан с журналистом, если и когда станет очевидно, что сообщение или связанные с ним данные о коммуникации содержат конфиденциальные журналистские материалы, их дальнейшее хранение и изучение аналитиком должно быть возможно только с разрешения судьи или другого независимого и беспристрастного органа, наделенного полномочиями определять,

²⁵ Режим доступа (на английском языке):

URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:\[%22001-76586%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-76586%22]}).

«оправдано ли дальнейшее хранение и изучение с точки зрения первостепенных общественных интересов».

Наконец, устанавливая факт нарушения статьи 10 Конвенции, Суд принял во внимание недостатки в соответствии со статьей 8 Конвенции, выявленные в ходе анализа режима массового перехвата.

2. Что касается получения разведанных от иностранных разведывательных служб, то Суд разъяснил – вмешательство в статью 8 Конвенции не заключается в самом перехвате, когда он осуществлялся под полным контролем иностранных разведывательных служб, и, следовательно, не подпадает под юрисдикцию принимающего государства. Скорее, вмешательство заключается, во-первых, в первоначальном запросе и, во-вторых, в получении перехваченных материалов с последующим их хранением, изучением и использованием разведывательными службами принимающего государства. Суд изложил необходимые гарантии для каждого из двух вышеупомянутых этапов процесса, опираясь на свою судебную практику в отношении перехвата сообщений Договаривающимися государствами (см. дело «*Roman Zakharov v. Russia [GC]*»²⁶).

Что касается первого этапа (первоначального запроса), то Суд выразил беспокойство и подчеркнул необходимость не допускать, чтобы государства обходили свои обязательства по Конвенции посредством взаимодействия с государствами, не являющимися договаривающимися. Суд постановил, что:

«... в тех случаях, когда запрос о перехвате материалов направляется государству, не являющемуся договаривающимся государством, запрос должен основываться на национальном законодательстве, и это законодательство должно быть доступно заинтересованному лицу и предсказуемо в отношении его последствий... Также необходимо иметь четкие и подробные правила, которые давали бы гражданам адекватное представление об обстоятельствах и условиях, по которым власти уполномочены обращаться с таким запросом... и которые обеспечивают эффективные гарантии против использования этого права в обход национального законодательства и/или обязательств государств по Конвенции».

Рассматривая второй этап (получение перехваченных материалов), Суд указал, что:

«... принимающее государство должно иметь надлежащие гарантии для их изучения, использования и хранения; для их дальнейшей передачи; и для их удаления и уничтожения... Если, как утверждает правительство, государства не всегда знают, являются ли материалы, полученные от иностранных разведывательных служб, результатом перехвата, то Суд считает, что те же стандарты должны применяться ко всем материалам,

²⁶ Режим доступа (на английском языке):

URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22languageisocode%22:\[%22ENG%22\],%22appno%22:\[%2247143/06%22\],%22documentcollectionid%22:\[%22GRANDCHAMBER%22\],%22itemid%22:\[%22001-159324%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22languageisocode%22:[%22ENG%22],%22appno%22:[%2247143/06%22],%22documentcollectionid%22:[%22GRANDCHAMBER%22],%22itemid%22:[%22001-159324%22]}).

полученным от иностранных разведывательных служб, которые могут быть результатом перехвата. Наконец, Суд считает, что любой режим, позволяющий разведывательным службам запрашивать перехват или перехватывать материалы у государств, не являющихся Договаривающимися сторонами, или получать прямой доступ к таким материалам, должен подлежать независимому надзору, а также должна быть предусмотрена возможность независимого пересмотра постфактум».

Дело «*F.O. v. Croatia*» (no. 29555/13). Постановление от 22 апреля 2021 года.

Статья 8 Конвенции: оскорбление учителем ученика общеобразовательной школы.

Заявитель (учащийся государственной средней школы) в сентябре 2011 года трижды подвергся словесным оскорблениям со стороны учителя математики. Первый инцидент (оскорбление) имел целью наказание заявителя и его одноклассников за опоздание в школу²⁷. Второй произошел после того, как заявитель сообщил об оскорблениях директору школы²⁸, третий случился несколько дней спустя²⁹. Заявителю была оказана психологическая помощь в связи с рассматриваемыми событиями. Врач общей практики поставил рабочий диагноз «посттравматическое стрессовое расстройство», а психолог установил, что заявитель страдает от острого тревожного расстройства. Отец заявителя проинформировал школу и различные национальные органы власти о преследовании заявителя учителем и попросил о его защите. Школа стремилась решить этот вопрос внутренне (была проведена беседа с учителем, заявителем и его отцом); уполномоченный орган Министерства образования счел, что этот вопрос должен быть решен путем обсуждения между школьной администрацией и отцом заявителя; прокуратура отклонила уголовную жалобу (без элементов уголовной ответственности); а Конституционный Суд признал жалобы заявителя неприемлемыми. Заявитель обратился в Суд, ссылаясь на притеснения со стороны учителя и неспособность национальных властей эффективно реагировать на его заявления о притеснении. Он заявлял о нарушении статей 3, 8 и 13 Конвенции. Суд рассмотрел дело в соответствии со статьей 8 Конвенции и установил нарушение этого положения.

Данное постановление заслуживает внимания, поскольку:

²⁷ Учитель сказал, что заявитель «идиот, дебил, дурак, деревенщина и тупой полицейский [отец заявителя работал в полиции]».

²⁸ Во время урока учитель, среди прочего, заявил что «... когда вы говорите дураку, что он – дурак, это не должно быть для него оскорблением ...».

²⁹ Учитель снова назвал заявителя «дураком».

1. Суд сформировал судебную практику по вопросу применимости статьи 8 Конвенции в отношении мер, принимаемых в области образования.

2. Суд разъяснил характер обязательств государства в этом контексте.

1. Суд повторил, что для того, чтобы статья 8 Конвенции была применима, то посягательство на какое-либо лицо должно быть совершено с определенной степенью серьезности и должно наносить ущерб индивидуальному праву на уважение частной жизни. В этой связи Суд сослался на свою судебную практику, согласно которой меры, принимаемые в области образования, могут при определенных обстоятельствах затрагивать право на уважение частной жизни, но не каждое действие или мера, которые возможно оказывают отрицательное воздействие на моральную неприкосновенность человека, обязательно приводят к такому вмешательству (дело «*Costello-Roberts v. the United Kingdom*» (1993)³⁰, § 36). Однако, дистанцируясь от вывода дела «*Costello-Roberts*», согласно которому случай телесного наказания в школе не подпадал под действие запрета, содержащегося в статье 8 Конвенции, Суд подчеркнул следующее:

«Что касается дела «*Costello-Roberts*», то произошли изменения в социальных установках и правовых стандартах, касающихся применения дисциплинарных мер по отношению к детям, которыми подчеркивается необходимость защиты детей от любых форм насилия и жестокого обращения. Это отражено в различных международных документах ... и судебной практике Суда ...».

Для применения статьи 8 Конвенции в рассматриваемом деле Суд счел следующие аспекты важными: согласно материалам дела не было никаких сомнений в том, что оскорбления, которым подвергся заявитель, повлекли за собой его эмоциональное расстройство; оскорбления были произнесены в классе перед другими учениками и, таким образом, были способны оскорбить и унижить заявителя перед глазами окружающих; оскорбления были особенно неуважительными по отношению к заявителю и были произнесены учителем, обладающим авторитетом перед заявителем и контролем над ним.

2. Что касается характера обязательств государства в этом контексте, Суд пришел к выводу: любые акты насилия или жестокого обращения со стороны учителей и других должностных лиц в учебных заведениях невозможно совместить с правом детей на образование и уважение их частной жизни. Кроме того, Суд подчеркнул, что основной обязанностью органов образования является защита учащихся от любых форм насилия в то время, когда они находятся под их надзором. Согласно этим принципам и соответствующим международным стандартам Суд также пришел к выводу, что национальные власти должны принять надлежащие законодательные, административные, социальные и образовательные меры для

³⁰ Режим доступа (на английском языке): URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:\[%22001-57804%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-57804%22]}).

безоговорочного запрещения любых форм насилия или жестокого обращения в образовательных учреждениях в отношении детей в любое время и при любых обстоятельствах и, таким образом, обеспечить «нулевую степень терпимости» по отношению к любому насилию или жестокому обращению в образовательных учреждениях. Кроме того, необходимо обеспечить подотчетность в данном вопросе с помощью соответствующих уголовных, гражданских, административных и профессиональных механизмов. В этом контексте государства пользуются свободой усмотрения при определении того, каким образом организовать свои системы в целях обеспечения соблюдения Конвенции.

Исходя из фактов дела Суд пришел к выводу: хотя первые оскорбления учителя в адрес заявителя были направлены на то, чтобы наказать его и его одноклассников, два последующих случая не могли рассматриваться как что-либо иное, кроме беспричинных словесных оскорблений в адрес заявителя. В любом случае Суд счел, что никакого оправдания поведению учителя быть не может. Отметив, что словесные оскорбления не были очень интенсивными и не переросли в дальнейшее более систематическое преследование, Суд подчеркнул – с учетом позиции доверия, авторитета и влияния учителей, а также их социальной ответственности не могло быть места для терпимости к любым нападениям со стороны учителя по отношению к ученику: частота, тяжесть вреда и намерение причинить вред не являются предпосылками для определения насилия и жестокого обращения в образовательной среде. Таким образом, Суд постановил – преследование посредством словесных оскорблений, которому заявитель подвергся со стороны учителя, представляло собой неприемлемое вмешательство в его право на уважение частной жизни, что было достаточным для признания нарушения в соответствии со статьей 8 Конвенции.

Однако Суд также решил важным рассмотреть вопрос о том, каким образом национальные власти отреагировали на утверждения заявителя о преследовании. В этой связи Суд не счел, что в обстоятельствах названного дела обращение к уголовному праву имеет решающее значение для выполнения обязательств государства по статье 8 Конвенции, поэтому он продолжил рассмотрение вопроса о том, каким образом утверждения заявителя были рассмотрены в рамках имеющихся административных и профессиональных процедур. Суд признал обе процедуры неэффективными, поскольку они не привели к решительным действиям по устранению недостатков в подходе учителя. Кроме того, тип поведения, приписываемый учителю, и его последствия для заявителя требуют более тщательного изучения, чтобы понять и устранить его влияние и последствия.

Статья 14 (запрет дискриминации)

Дело «*Jurčić v. Croatia*» (no. 54711/15). Постановление от 4 февраля 2021 года.

Статья 14 Конвенции в сочетании со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции: отказ в выплате пособия по безработице женщине, которая прошла курс лечения от бесплодия непосредственно перед тем, как приступить к новой работе.

Заявительница заключила трудовой договор через десять дней после того, как ей было проведено экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО). Когда впоследствии она ушла на больничный из-за осложнений, связанных с беременностью, соответствующий государственный орган пересмотрел ее статус медицинского страхования и заключил, что она по медицинским показаниям была нетрудоспособна в установленное время из-за проведения процедуры ЭКО. Далее суд постановил, что, устроившись на работу вскоре после ЭКО, заявительница стремилась получить финансовую выгоду, связанную со статусом трудовой занятости, поэтому ее работа была признана фиктивной. В этой связи ее заявление о регистрации в качестве застрахованного работника и выплате компенсации за больничный лист было отклонено. Она пожаловалась в Суд на дискриминацию в ее отношении как женщины, прошедшей процедуру ЭКО, и Суд признал нарушение статьи 14 Конвенции в сочетании со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции.

Это постановление примечательно тем, что Судом впервые был установлен факт дискриминации женщины по признаку беременности. Кроме того, в нем была выявлена национальная практика в отношении беременных женщин, то трудоустройство которых во время беременности часто подвергались проверке на подлинность, хотя в соответствии с национальным законодательством работодатель не имел права отказывать беременной женщине в приеме на работу из-за ее положения. Суд выразил озабоченность по поводу гендерных стереотипов в этом контексте.

1. С самого начала Суд подтвердил, что, поскольку забеременеть могут только женщины, обращение с заявительницей было отличным по признаку пола, повторив позицию, впервые высказанную в недавнем постановлении по делу «*Napotnik v. Romania*»³¹ (дело, в котором не было признано нарушением прекращение дипломатической службы заявительницы ввиду беременности).

2. В ответ на довод Правительства о том, что аннулирование страхового статуса заявительницы преследовало законную цель защиты государственных ресурсов от мошеннического использования, Суд подчеркнул, что беременность женщины как таковая не может считаться

³¹ Режим доступа (на английском языке): URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:\[%22001-205222%22%7D](https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:[%22001-205222%22%7D)].

мошенническим поведением, и далее постановил, что финансовые обязательства государства во время беременности женщины сами по себе не могут представлять собой достаточно веское основание для оправдания различия в обращении по признаку пола. Суд ссылаясь в этой связи на практику Европейского Союза и соответствующие стандарты Международной организации труда (МОТ).

3. Что касается обоснованности различий в обращении, то Суд подчеркнул: введение мер по охране материнства имеет важное значение для соблюдения принципа равенства мужчин и женщин при найме на работу, и повторил, что, в принципе, даже в тех случаях, когда присутствие работника является предварительным условием надлежащего исполнения трудового договора, защита, предоставляемая женщине во время беременности, не может зависеть от того, является ли ее присутствие на работе во время беременности необходимым для надлежащего функционирования ее работодателя или от того факта, что она временно лишена возможности выполнять работу, для которой она была нанята.

Рассматривая дело заявительницы, национальные власти ограничились заключением о том, что из-за ЭКО заявительница по медицинским показаниям была неспособна осуществлять работу, тем самым подразумевая, что она должна была воздерживаться от нее до тех пор, пока ее беременность не будет подтверждена. Это прямо противоречило как национальному, так и международному праву и было равносильно обязанности заявительницы отказаться от поиска какой-либо работы в связи с ее возможной беременностью.

Хотя вышеизложенного было достаточно для того, чтобы Суд установил, что – заявительница подверглась дискриминации по признаку пола, он далее указал на некоторые дополнительные факторы, которые сделали рассматриваемую разницу в обращении вопиющей, включая отсутствие каких-либо объяснений относительно того, как заявительница могла заключить мошеннический трудовой договор, если в то время она не могла знать, будет ли ее ЭКО успешным, а также не было свидетельств того, что в большинстве случаев женщины, проходящие ЭКО, не могут работать в период лечения репродуктивного здоровья или во время беременности.

4. Наконец, Суд выразил озабоченность по поводу подтекста заключения национальных властей, подразумевающего, что женщины не должны работать или искать работу во время беременности или просто иметь возможность трудоустроиться, что, по мнению Суда, равносильно гендерному стереотипу, представляющему «серьезное препятствие на пути достижения реального гендерного равенства», которое является одной из основных целей государств-членов Совета Европы (цитируя дело «*Carvalho Pinto de Sousa Morais v. Portugal*»³², § 48–54), что не только нарушает национальное законодательство, но и противоречит соответствующим

³² Режим доступа (на английском языке): URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:\[%22001-175659%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-175659%22]}).

международным стандартам гендерного равенства (см. Конвенцию Организации Объединенных Наций о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин³³, Конвенцию Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (Стамбульскую конвенцию)³⁴, Конвенцию МОТ об охране материнства 2000 года (№ 183)³⁵ и Приложение к Рекомендации Комитета Министров Совета Европы Rec(2019)1³⁶).

См. также вышеприведенное дело «*Budinova and Chaprazov v. Bulgaria*» (no. 12567/13), дело «*Behar and Gutman v. Bulgaria*» (no. 29335/13). Постановления от 16 февраля 2021 года.

Статья 8 Конвенции: применимость статьи и критерии выявления того, влияет ли негативный стереотип о социальной группе на «частную жизнь» ее членов.

Статья 1 Протокола № 1 Конвенции (защита собственности)

См. вышеприведенное дело «*Jurčić v. Croatia*» (no. 54711/15). Постановление от 4 февраля 2021 года.

Статья 14 Конвенции в сочетании со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции: отказ в выплате пособия по безработице женщине, которая прошла курс лечения от бесплодия непосредственно перед тем, как приступить к новой работе.

Статья 1 Протокола № 12 Конвенции (общий запрет дискриминации)

Дело «*Napotnik v. Romania*» (no. 33139.13). Решение от 20 октября 2020 года.

Статья 1 Протокола № 12: прекращение дипломатической командировки в связи с беременностью.

Во время прохождения службы в качестве консульского работника в посольстве Румынии в Словении заявительница забеременела и родила ребенка. Ее командировка была прекращена, когда она сообщила о своей второй беременности, которая наступила вскоре после первой. Было сочтено, что ее

³³ Режим доступа (на русском языке): URL: https://www.ohchr.org/Documents/ProfessionalInterest/CEDAW_ru.pdf.

³⁴ Режим доступа (на русском языке): URL: <https://rm.coe.int/168046253f>.

³⁵ Режим доступа (на русском языке): URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---normes/documents/normativeinstrument/wcms_c183_ru.htm.

³⁶ Режим доступа (на русском языке): [URL]: <https://rm.coe.int/rec-2019-1-sexism-russian-translation/16809cc84a>.

отсутствие на службе ввиду медицинских приемов и во время отпуска по беременности и родам поставило бы под угрозу функциональные возможности консульского отдела: во время ее первой беременности, когда она отсутствовала в отделении, оказание консульских услуг было приостановлено, а прошения об оказании помощи были перенаправлены в соседние государства. Ссылаясь на статью 1 Протокола № 12 Конвенции, заявительница жаловалась на то, что она была подвергнута дискриминации на работе. Суд не нашел нарушения этого положения.

Данное решение заслуживает внимания, поскольку Суд впервые рассмотрел жалобу на дискриминацию на рабочем месте по причине беременности, и, в частности, Суд должен был установить баланс между правом беременной женщины не подвергаться дискриминации и законной целью по обеспечению функционирования государственной службы.

Европейский Суд, ссылаясь на аналогичный подход Суда Европейского Союза, отметил, что исключительно по отношению к женщинам можно проявлять различное отношение ввиду беременности, и по этой причине любое такое различие в обращении будет равносильно прямой дискриминации по признаку пола, если оно не будет обосновано. Установив, что по отношению к заявительнице было проявлено особое отношение по признаку пола, Европейский Суд пришел к выводу: национальные власти представили соответствующие и достаточные основания для оправдания этой меры, несмотря на узкую свободу оценки, предоставляемую государствам в таких случаях.

Во-первых, принимая во внимание характер работы заявительницы и срочность запросов, с которыми она была вынуждена иметь дело, ее отсутствие в офисе серьезно повлияло на оказание консульских услуг. В этой связи досрочное прекращение ее командировки за границу было необходимым для обеспечения и поддержания функционирования дипломатической миссии и, в конечном счете, защиты прав других лиц, в частности, румынских граждан, нуждающихся в консульской помощи в Словении.

Во-вторых, хотя оспариваемое решение было мотивировано беременностью заявительницы, оно не направлено на то, чтобы поставить ее в неблагоприятное положение, и поэтому оно было соразмерно вышеуказанной законной цели. В частности, последовавшее изменение условий ее работы не может быть приравнено к потере работы или дисциплинарной мере ответственности. Последствия для заявителя не носили такого же характера, как те, которые прямо запрещены внутренним законодательством о равных возможностях и международными обязательствами государства в области защиты беременности и материнства. Примечательно, что, по-видимому, заявительница не испытала каких-либо долгосрочных последствий для своей дипломатической карьеры, поскольку она была повышена как во время своей первой беременности, так и через год после второй, несмотря на ее длительное отсутствие.